

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 9. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-21, version 1.0
UUID: 1075af0d-7fae-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Куда уйти?
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0008
III.....	.0017

**Константин Михайлович
Станюкович
КУДА УЙТИ?**

Валерий Николаевич Привольев, крупный, свежий и видный курчавый блондин под сорок, с очень белым, отливавшим нежным румянцем и несколько рыхлым лицом, напоминающим недошедшее заливное, в этот зимний день обедал торопливо и без обычного плотоядного внимания к наваристому супу с фрикадельками, кровяному ростбифу и трубочкам со взбитыми сливками.

Идеальный, еще влюбленный муж, любящий прелесть домашнего очага, Валерий Николаевич не рассказывал сегодня жене новостей и свежих сплетен, которые обыкновенно привозил со службы, мило пошутил с двумя птенцами, очень похожими на него, и не спорил со своим гостем Иваном Ивановичем Безбородовым, давнишним другом-ровесником, худощавым чиновником-скептиком и неисправимым спорщиком.

Привольев только любезно подавал реплики и помалчивал, пощипывая свою выхоленную шелковистую бороду и стараясь скрыть нетерпение поговорить с Иваном Ивановичем.

чем наедине.

Когда взрослые окончили пирожное, Валерий Николаевич с обычной своей мягкостью деликатного мужа попросил у хозяйки позволения встать.

Она поднялась, разрешив детям остаться и съесть еще по трубочке.

– Но не больше, фрейлейн, пожалуйста! – сказала бонне молодая женщина.

– О, ја! О, ја! [1] – ответила, вся краснея, немка из Эстляндии.

Вид этой девицы, самолюбиво-застенчивый и в то же время самодовольно-исполнительный, словно бы говорил об ее добросовестности и ревностной глупости.

И Привольева подавила вздох.

«Найди-ка бонну умнее за двенадцать рублей!» – подумала она.

Валерий Николаевич быстро поднялся, подошел к жене, горячо и крепко «по-влюбленному» поцеловал ее руку и проговорил, точно просил:

– А нельзя ли кофе нам послать в кабинет, Лика?

Лика, как звал муж Лидию Антоновну,

стройная, хорошо сложенная и изящная, в ярко-пунцовом лифе и черной юбке, среднего роста брюнетка, разумеется, не имела ни малейшего повода уменьшать свои тридцать два года, – так она была привлекательна редким сочетанием красоты и ума.

Она не спросила мужа, какие тайны торопится он сообщить другу, – Лика к тому же и догадывалась.

И, ласково улыбаясь большими греющими глазами, она быстро, с нежной шутливостью, провела по щеке мужа ласковой, душистой и красивой рукой с несколькими блестящими кольцами на мизинце и с обручальным кольцом на безымянном пальце и сказала:

– Сейчас подадут, Валерий...

И участливо спросила:

– Ты встревожен по службе?

– Не особенно, Лика...

– То-то... Не волнуйся... Право, милый, не стоит. Везде одно и то же... Всем порядочным людям трудно! – заботливо утешала жена мужа.

И, снова пригладив любящим и слегка покровительственным взглядом, прибавила:

– Ну, иди, иди в кабинет... Спорь с Иваном
Иванычем... А я почитаю детям сказку...

– Милая! – сердечно шепнул Валерий Ни-
колаевич.

Привольев взял за талию друга и через залу провел в небольшой кабинет, убранный не без претензий.

Фотографии Лики, детей и нескольких писателей красовались на стенах. Большой письменный стол, мягкие кресла, шкаф с книгами и оттоманка, словом – все, как следует у интеллигентного человека, получающего тысяч пять и подумывающего иногда и о «душе».

Валерий Николаевич запер двери и, внезапно возбуждаясь, проговорил:

– Нет... Ты послушай, Иван Иванович, какую сделали пакость... Я, понимаешь, не хотел рассказывать при Лике. За что ее волновать заранее...

– Ну, конечно...

– Так ты выслушай, голубчик, и поймешь...

– Позволь, мой друг, только закурить твою сигару – твои лучше моих, ты ведь по десяти берешь – и сесть в кресло... Тогда присядь и говори.

Иван Иванович закурил, поглубже уселся

в мягкое кресло и подумал, что лучше всего было бы вздремнуть четверть часика после обеда.

Но, считая одной из обязанностей друга быть складочным местом дружеских излиятий, как бы ни были они однообразны и бесплодны, Иван Иванович самоотверженно готов был слушать то, что время от времени он уже добросовестно выслушивал в том же кресле, и не всхрапывал, чтобы не потерять единственного друга, которого, конечно, любил и у которого можно было пообедать и потом повинтить хоть до утра [2], если бы не строгая Лидия Антоновна, заботившаяся о здоровье этого откормленного и влюбленного Валерия Николаевича, – как сердито думал Иван Иванович, если приходилось уходить с проигрышем.

Не без снисходительно-ядовитой улыбки, обнаружившей скверные зубы человека некрасивого, совсем худого, желтого как лимон и лысого как колено, но зато не сомневавшегося, что он и умнее, и основательнее друга, и, главное, не под башмаком своей жены, – Иван Иванович проговорил своим скри-

пучим и назойливым голосом:

– Ну, рассказывай, Валерий Николаевич...
Какая такая подлость тебя огорчила?..

И только было начал Привольев, как Иван Иванович перебил:

– Значит, опять нашла полоса возмущения?..

И хихикнул.

– Да ты не смейся... Ты слушай...

– Слушаю... Не кипятись... Побеседуем толком, дружище, а потом... винт устроишь?..

– Тебе только винт... Устрою, успокойся!
Совсем ты, Иван Иванович, опустил... Ты войди в мое положение...

Подали кофе, и Валерий Николаевич наконец стал рассказывать о той обыкновенной истории в правлении, где служил, которую он называл «подлостью».

Чем подробнее и картиннее говорил он о лакействе и пролазничестве, о несправедливости и произволе, о взяточничестве и вымогательствах некоторых и завистливом попустительстве многих, о полной беспринципности людей, думающих только о наградах и деньгах, – тем Привольев возбуждался все бо-

лее и более, и ему было приятно сознание, что все это он понимает и что все это его возмущает.

Недаром же он с молодых еще лет возмущался, и Лика знает и любит и уважает его за то, что он благородный человек, принимающий к сердцу все несправедливое и позорное... И сама она такая же благородная и сочувствующая...

– Ведь после этого нужно уходить из этой клоаки! – воскликнул Валерий Николаевич.

И в эту минуту возбуждения, подогретого своими же словами, Привольев, казалось, сейчас же ушел бы из своего учреждения.

– Ведь я сам подписываю то, что считаю вредным и в лучшем смысле бессмысленным... Я сам подписываю отчет, в котором раздуваются цифры, и многие верят, что наше дело, благодаря главному распорядителю, нашему коммерческому гению, стоит на идеальной высоте... А между тем еще сегодня...

Иван Иванович осторожно зевнул.

«Ведь порядочный и неглупый человек, а все-таки по временам впадает в транс и дает представления!» – подумал Иван Иванович,

уверенный, что все-таки никуда Валерий Николаевич не уйдет и даже испугается, если его «великолепная королева», Лидия Антоновна, хоть для испытания согласилась бы с его благородными намерениями бросить клоаку. – «Лидия Антоновна умная женщина и недаром же любит друга и держит его в узде. Ореол беспокойного общественного человека ему оставляет и милостиво разрешает приносить в дом каждое двадцатое число четыреста шестнадцать рублей шестьдесят шесть копеек!» – подсчитал в уме Иван Иванович.

И когда Привольев объяснил, что сегодня он делал то же, что и вчера, но что надо же когда-нибудь кончить, то Иван Иванович не без ехидного намерения протянул и как будто бы сочувственно:

– А награду тебе большую назначили к Новому году?

– Разве мне дадут?

– Да ведь ты дельный служащий.

– Кажется...

– И обещали полторы тысячи?

– Обещали и надули...

– Сколько?

– Семьсот... Урезали, чтобы дать какому-то «племяннику», который и на службу не ходит... Порядки... Прямо со мною подло поступили...

– И очень... Нам, семейным людям, эти наградные деньги на затычки долгам...

– И к чему надувать?

– А ты рассчитывал?.. Ты еще, мой милый, пижонист...

– Ну, черт с их деньгами!.. А главное...

– Хочется бросить?

– Именно... И бросил бы...

– Что ж?.. Уж если тебе так опостылело, то уходи! – проговорил Иван Иванович, словно бы убежденный словами друга.

Но Валерий Николаевич покраснел и раздражительно сказал:

– Уйди!.. Тебе хорошо, вице-директору, говорить: уйди... А куда уйдешь?.. Точно ты не понимаешь моего положения?.. А ты так спокойно говоришь: уйди... Это просто свинство... С семьей я едва свожу концы с концами... И то еще благодаря Лике... Она во всем себе отказывает... Нарядов никаких... все переделывает, голубушка... Детям какого-то

идиота за двенадцать рублей должны были нанять... Обивку надо бы в гостиной подновить и... не можем... Все безобразно дорого... И без того жмемся, а ты: уйди!.. Что ж, позволь тебя спросить, я должен Лику и детей в конуре поселить и получать где-нибудь сто рублей?.. И поищи еще их...

И Валерию Николаевичу представилось, что его любимая, милая и ненаглядная Лика, которая так греет и одна только дает смысл жизни, и голубчики птенцы, и он сам – в конуре. Она – этот ангел – безропотно терпит, дети больны, он за сто рублей целые дни корпит... Когда представилось, что придется есть впроголодь и Лику запрятать в кухне, и не болтать с Ликой в их уютной, теплой спальне, – Валерий Николаевич пришел в ужас.

И его небольшая квартира, и его родной очаг с Ликой, – этой верной подругой, заботливой женой и очаровательной женщиной, которую после семи лет он еще более любит и более влюблен в нее, чем прежде, и которая, казалось, тоже еще сильнее чувствует счастье близости и верного и влюбленного друга, – вся обстановка, все привычки, словом – все,

все казалось ему таким необходимым, дорогим и близким, добытым после бродяжной жизни необеспеченных правильным заработком интеллигентных людей, что Валерию Николаевичу казалось бесцельной подлостью с его стороны лишить семью удобств...

И он снова обиженно воскликнул:

– А ты: уходи! Нечего сказать... совет!

– Так оставайся...

– К сожалению, должен... Понимаешь: должен! Ты, небось, не уходишь?

– Еще бы... И не думаю.

– И не думаешь!.. Или твой хомут такая прелесть?

– Такой же, как твой, дружище... И атмосфера такая же, как и твоя... И мне приходится фарисействовать, как и ты... И я, Валерий Николаич, такой же, как ты! Только не такой красивый здоровяк, как мой благородный друг, и... знаешь ли еще что? – с насмешкой прибавил Иван Иванович.

– Что?

– Меня называют ретроградом-чиновником, а тебя... либералом. Ты по временам любишь «поманиловствовать» [3] о том, что бы-

ло бы, если бы ничего не было, а я... помалчиваю, делаю, что велят – а ты знаешь, что иногда велят? – и получаю столько же, что и ты... Ну, а теперь... я тебе скажу, куда идти...

– Куда?

– К Лидии Антоновне!

– Зачем?

– Попроси ее разрешения послать за партнерами... Винтить пора. Право, полезнее, чем сотрясать воздух.

Несколько сконфуженный вошел Валерий Николаевич в спальную.

Дети уж были уложены, и Лика сидела за книгой.

– Ну что, милый, доедились?

– Иван Иванович совсем закип, Лика, и только хихикает...

– А что?.. Да ты присядь, Валерий... О чем вы спорили?

– Да он не понимает, что можно возмущаться... Можешь себе представить, Лика?

И, присевши к Лике, Привольев поцеловал ее руку.

– Чего от него ждать... Сухой формалист и больше ничего!

– А говорит: уйди!

– Пусть он сам уйдет с своего места, – возмущенно сказала Лика. – Ты по крайней мере людям не вредишь, Валерий. Ты у меня ведь независимый... На сделки с совестью не пойдешь...

– Ну, положим, Лика!

– Что положим?.. Что ты хочешь сказать,

Валя? – спросила Лика, сдерживая волнение.

– Я только что рассказывал Ивану Ивановичу, Лика...

– Напрасно считаешь его твоим другом. Хорош друг: «уйди». Что ж подало ему такой глупый совет?..

– Да ты не волнуйся, Лика... Не волнуйся, милая... Ну, ты ведь меня знаешь...

– Еще бы не знать своего хорошего?

– Ну, я говорил о неприятностях в правлении... Говорил, что бросил бы правление... Ну, конечно, если бы получил другое и лучшее место! – прибавил Валерий Николаевич, боясь огорчить свою Лиду.

– Милый!.. Я знаю, как ты всех нас любишь и как мы тебя любим. Я первая сказала бы: уйди, если бы везде таким людям, как ты, не было подчас тяжело... Это вот только Ивану Ивановичу везде легко, а ты... Так уж лучше оставаться там, где тебя знают и ценят все-таки тебя... Разве не так?

– Умница ты моя. Конечно, так!

– Они с тобою подлость сделали... большую подлость! – горячо и возмущенно говорила Лика. – Обманули с наградными. Я понимаю

твое раздражение порядочного человека. Но бог с ними!.. Плюнь на них!.. Без этих денег ведь мы не пропадем!.. Живем же мы с тобою и не нуждаемся... Я счастлива... Ты ведь тоже, кажется, немножко любишь свою Лику?

Любит ли он?

И вместо слов Привольев обнял жену.

– Дети у нас прелестные. Все у нас, слава богу, мирно и хорошо! – радостно говорила Лика, улыбаясь. – Так не тревожься, мой милый... Не мучь себя напрасными и незаслуженными упреками... Помни, что хорошие люди в таких условиях, в каких мы живем, приносят большую пользу уже потому, что на их местах могли быть нехорошие люди... Разве ты не согласен?..

Еще бы не согласен! Ведь Лика говорит так умно и убедительно, что часто думает и он. Недаром же он возмущается и все-таки сам не делает ничего, что заставило бы его покраснеть.

И Валерий Николаевич уже совсем успокоился и, обрадованный, что Лика по-прежнему считает его если не героем, то во всяком случае честным общественным деятелем, прини-

мающим участие в разных благотворительных обществах вместе с Ликой, горячо и восторженно сказал:

– Ты такая... такая прелестная, моя умница... И как я счастлив...

И через минуту весело проговорил:

– А на Ивана Ивановича ты не сердись, Лика... Он так посоветовал... Верно, думал, что у меня есть другое место... А потом, напротив, советовал не уходить, точно я в самом деле идиот и злодей перед тобою и детьми, что мог бы вас сделать нищими... Не сердись... Лика, на него... Он хоть и воображает, что очень умен, а... Но все-таки он в сущности добрый.

– Он и не стоит того, чтобы сердиться... Бог с ним!..

– И уж знаешь ли что?

– Что хочешь, милый?

– Я пошлю за двумя партнерами...

– И отлично... Но не заигрывайся, Валя. Тебе вредно.

– Конечно, в двенадцать окончим. А ты что будешь делать, Лика?

– Дома останусь... По крайней мере почи-таю. А на неделе три собрания... И мы везде

ДОЛЖНЫ БЫТЬ...

В первом часу партнеры сели ужинать.

Хозяин с обычным вниманием отнесся к скромному ужину, умело и хорошо приготовленному и поданному благодаря заботам Лики, и, когда выпил несколько стаканов вина и покраснелся, он поговорил о долге, об обязанностях общественных людей делать хоть маленькие дела, памятуя о больших, и не оставлять своих постов, хотя бы и встречались на них тернии.

Иван Иванович, выигравший десять рублей, не перебивал друга, не вставлял ехидных примечаний и не заводил спора. Он скромно помалчивал и усердно потягивал красное вино.

А Лика взглядывала на мужа блестящими ласковыми глазами и думала:

«И какой же он добрый и хороший человек, и как я его люблю!»

1

О, да! О да! (нем.)

[^^^]

2

...и потом повинтить хоть до утра... – то есть проиграть до утра в винт. Винт – разновидность карточной игры.

[^^^]

3

«Поманиловствовать» – образовано от ставшего нарицательным имени героя «Мертвых душ» – Манилова.

[^^^]